

Цѣна съ перес.

за годъ 2 руб.,
за 3 мѣсяца

50 коп.

Цѣна отд. № 5 н.

№ 79
1908.

ПОДПИСНА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ РЕДАКЦИИ

Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей

и въ канцеляріи

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ: Кто относится безчувственно и пренебрежительно нъ своимъ грѣхамъ, тотъ не заслуживаетъ никакого извиненія.— Кто нашъ другъ? *Иером. Аверкія*.— Замѣтки мірянина. *Н. К.*— Сила Божія и немощь человѣческая. Вражья сила. *Сергѣя Пилуса*— Чудное дѣйствіе промысла Божія. *А. Юрѣва*.

Прилагается къ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ **БЕЗПЛАТНО.**

КТО ОТНОСИТСЯ БЕЗЧУВСТВЕННО И ПРЕНЕБРЕЖИТЕЛЬНО КЪ СВОИМЪ ГРѢХАМЪ, ТОТЪ НЕ ЗАСЛУЖИВАЕТЪ НИКАКОГО ИЗВИНЕНІЯ.

Ничто такъ не губить человѣка, какъ потеря страха Божія; равно какъ, наоборотъ, ничто такъ не спасаетъ, какъ обращеніе взоровъ сюда. Въ самомъ дѣлѣ, если мы, имѣя предъ глазами человѣка, иногда не такъ скоро рѣшаемся на грѣхи, то подумай какой надежной охраной будемъ мы пользоваться имѣя предъ глазами Бога. Самое лучшее—совсѣмъ не грѣшить; ниже этого—грѣша, сознавать свои грѣхи и исправляться. Если же у насъ не будетъ и этого, то какъ мы будемъ умолять Бога и просить объ оставленіи согрѣшеній, разъ мы не не обращаемъ на нихъ никого вниманія? Когда самъ ты, совершивъ грѣхъ, не хочешь сознать даже того самаго, что ты согрѣшилъ, то о какихъ же грѣхахъ ты станешь умолять Бога? О тѣхъ, которыхъ не знаешь? И какъ ты познаешь величіе благодѣянія? Тяжкое зло—дѣлать дѣла постыдныя; но когда дѣлающій ихъ стыдится, это уже наполовину зло; когда же ктонибудь еще и похваляется ими, это уже крайнее безчувствіе. Кто послѣ совершенія грѣха осуждаетъ грѣхъ, тотъ со временемъ можетъ опять возстать; но кто хвалитъ порокъ, тотъ лишилъ уже себя врачевства покаянія. Подобно тому какъ не только дѣлающіе дурныя дѣла, но и похваляющіе послѣднихъ подвергаются вмѣстѣ съ ними тому же самому, или даже еще болѣе тяжкому наказанію, такъ точно и тѣ, кто хвалитъ людей добродѣтельныхъ, являются соучастниками уготованныхъ послѣднимъ вѣнцовъ. И такъ если ты, грѣша, не скорбишь, не почитай поэтому грѣхъ маловажнымъ, но поэтому то самому особенно и стенай, что ты не чувствуешь скорби о грѣхахъ. Не оттого, вѣдь, происходитъ это, что грѣхъ не уязвляетъ, а оттого что согрѣшающая душа безчувственна. Если тотъ, кто не скорбитъ о грѣхахъ другихъ людей, достоинъ осужденія, то заслуживаетъ ли какого либо извиненія тотъ, кто относится

безчувственно и пренебрежительно къ своимъ собственнымъ грѣхамъ?

(Изъ твореній св. Іоанна Златоуста, изъ слова „о грѣхѣ и исповѣди“).

КТО НАШЪ ДРУГЪ?

Довѣрчивъ русскій человѣкъ. Ласковое слово, разспросы о его жизни и нуждахъ, желаніе, разумѣется, только на словахъ, помочь его тяжелой долѣ,—все это располагаетъ его къ людямъ, которыхъ часто онъ первый разъ видитъ, готовъ считать ихъ своими друзьями и слѣдовать ихъ совѣтамъ. Конечно это добрая, хорошая черта, которой у другаго народа не найдешь; только жаль, что много, особенно въ настоящее время, такихъ людей, которые злоупотребляютъ этою простотою и довѣрчивостію и пользуются этими добрыми качествами для своихъ гнусныхъ и преступныхъ цѣлей. Сколько въ настоящее время страдаетъ крестьянъ, а особенно фабричныхъ людей, отъ этихъ лживыхъ друзей! Являются они какъ друзья, какъ благодѣтели, якобы съ единственною цѣлію помочь въ ихъ тяжелой долѣ, посовѣтывать имъ какъ улучшить ихъ жизнь. Но слова ихъ—острооточенный ножъ помазанный медомъ, и подобны привѣтствію Іуды „радуйся Равви“, сказанному имъ при преданіи Спасителя. Какъ диаволь, зная, что онъ обреченъ Господомъ на вѣчныя мученія, а людямъ приготовлено неизреченное блаженство, завидуя имъ, старается всячески соблазнять людей, чтобы и они подверглись вмѣстѣ съ нимъ такой же участи; такъ и эти люди, сбившись съ прямого жизненнаго пути и видя свою гибель, стараются и другихъ направить на ложный путь, отнять у нихъ послѣдній кусокъ хлѣба, чтобы и они были такими же, если еще не болѣе, несчастными и погибшими.

Но какъ узнать другъ такой человѣкъ, или врагъ? Добра намъ желаетъ или погибели? Вѣдь онъ говоритъ не о своей пользѣ и желаетъ добра не себѣ, а тѣмъ, кому онъ говоритъ. Въ разрѣшеніи этого вопроса мы въ руководство возьмемъ св. Писаніе, которое всегда, во всѣхъ обстоятельствахъ нашей жизни должно служить намъ свѣтильникомъ на жизненномъ пути, какъ сказалъ Давидъ: *законъ Твой свѣтильникъ ногамъ моимъ* (Псал. 118, 105).

Св. Апостоль и Евангелистъ Іоаннъ Богословъ въ посланіи къ хрістіанамъ даетъ такой совѣтъ: *возлюбленніи, не всякому духу вѣруйте, но испытайте духи, аще отъ Бога суть* (1 Іоан. 4, 1) и далѣе даетъ совѣтъ какъ узнать—кто отъ Бога и кто отъ діавола. Такъ и мы, Русскіе, имѣемъ свои свойства, отли-

чающія насъ отъ другихъ народовъ, и прежде чѣмъ слѣдовать совѣтамъ кого бы ты ни было, мы должны испытать: имѣеть ли онъ эти свойства, или нѣтъ, можно ли его назвать Русскимъ *по духу*, или только по мѣсту жительства (въ нашей странѣ).

Русскій человѣкъ любитъ поступать „по Божьи“, по совѣсти, и вотъ прежде всего мы должны прислушаться къ рѣчамъ тѣхъ, которые, повидимому, желаютъ намъ добра, согласны ли ихъ слова съ закономъ Божиимъ, нѣтъ ли въ нихъ чего-нибудь такого, что Богъ запрещаетъ. Если они напр. говорятъ, что нужно у богатыхъ отнять деньги и раздѣлить ихъ между бѣдными поровну, чтобы всѣ были одинаковы, чтобы не было ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, то это говорятъ, значить, наши враги, потомучто они научаютъ худому. Богъ не только не велитъ брать чужаго тайкомъ или насильно „не укради“, но даже не велитъ и завидовать богатымъ. Не пожелай ничего, что принадлежитъ ближнему твоему. Премудрый Соломонъ говоритъ: *богаты и нищя срѣтоста другъ друга, обоихъ же сотвори Господь* (Притч. 22, 2), т. е. земныя блага распредѣляетъ между нами Господь, и мы, слѣдовательно, не имѣемъ права распоряжаться тѣмъ, чего не дано намъ отъ Господа. Кто поступаетъ такъ, т. е. отнимаетъ, то онъ не только обижаетъ ближняго, котораго Господь велѣлъ любить какъ себя: *возлюби ближняго твоего яко самъ себе* (Матѣ. 22, 39), но и возстаетъ противъ Бога, слѣдовательно, тяжко согрѣшаетъ; а это можетъ посовѣтывать намъ только врагъ, а не другъ.

Истинно русскій человѣкъ, хотя и согрѣшаетъ, потомучто кто же можетъ прожить безъ грѣха, но онъ все-таки твердо держится Православной вѣры; за нее онъ готовъ на всѣ жертвы, потомучто вѣра спасла наше отечество отъ разрушенія во время злой татарщины и „лихолѣтья“ и теперь сила и могущество нашего Государства заключается въ вѣрѣ Православной. Когда Косма Мининъ въ Нижегородскомъ Кремлѣ сказалъ: „постоимъ, православные, за домъ Богородицы въ Москвѣ, не дадимъ его на поруганіе“, то всѣ, какъ одинъ, откликнулись на этотъ зовъ, и кто несъ послѣднее свое достояніе „на дѣло Божье“, какъ тогда называли, а кто записывался въ ополченіе. Что побудило въ семидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія цѣлыя тысячи русскихъ проливать свою кровь и жертвовать жизнію за освобожденіе славянъ отъ турецкаго ига какъ не Православная вѣра? Возьмемъ мы послѣднюю японскую войну. Что заставило многихъ благородныхъ дѣвицъ и женъ, проводившихъ жизнь ранѣе въ роскоши, однихъ трудиться съ утра до ночи надъ шитьемъ бѣлья для воиновъ, другихъ жертвовать своимъ спокойствіемъ и жизнію—идти на войну и ухаживать за больными и ранеными воинами, что, говорю, побудило ихъ какъ не вѣра Православная?

Пусть всякій поразмыслить, можетъ ли истинно Русскій чело-вѣкъ, нашъ братъ *по духу*, говорить [что-либо противное зако-намъ Божескимъ (и научать тому же другихъ? Нѣтъ;—это мо-жетъ дѣлать только нашъ врагъ и, слѣдовательно, совѣтовъ его слушать не нужно.

Другая отличительная черта Русскаго чело-вѣка—это вѣрно-подданость. Она заключается въ точномъ исполненіи заповѣди Господней: *воздадите кесарева кесареви, а Божія Богови* (Матѣ. 12, 21); *Бога бойтесь, Царя чтите* (1 Петр. 2, 17). Русскій чело-вѣкъ въ лицѣ Царя благоговѣйно почитаетъ Помазанника Божія и неуклонно, безкорыстно, чистосердечно старается испол-нять всѣ его законы и требованія; любовь къ Царю, какъ отцу, и безусловная преданность ему, которая непонятна для иностран-цевъ, простирается до того, что каждый истинно-русскій готовъ во всякое время за вѣру и Царя отдать и достояніе и жизнь свою. Когда поляки узнали, что на престолъ Московскій избранъ Михаилъ Ѳеодоровичъ, то рѣшились убить его. Съ этою цѣлю они пришли въ село Домнино, Костромскаго уѣзда и требовали отъ крестьянина, Ивана Сусанина, чтобы онъ указалъ имъ мѣ-сто жительства юнаго Царя. Но Сусанинъ вмѣсто Костромы, гдѣ жилъ Михаилъ Ѳеодоровичъ, завелъ ихъ въ непроходимые лѣса на погибель, и самъ принялъ отъ нихъ мученическую смерть. И это не единичный случай, ихъ—сотни, тысячи. „Всему міру извѣстно, говоритъ Преосвященный Амвросій архіеп. Харь-ковскій, какую безграничную преданность и любовь питаетъ Русскій народъ къ своимъ Царямъ, и какую увѣренность имѣютъ Русскіе Цари въ безусловной покорности своего народа. Мы счастливы этою взаимною любовію Царя и народа нашего. Такъ чувствуетъ и такъ говоритъ наше сердце“. Судите послѣ того, можетъ ли истинно-русскій чело-вѣкъ говорить, что Царя не надо, правительство смѣнить, или, по крайней мѣрѣ, ограничить царское самодержавіе; пусть каждый спроситъ себя: другъ или врагъ можетъ говорить эти слова?—и сердце ему подскажетъ, что это злѣйшій его врагъ и что не только исполнять его совѣ-товъ, а даже и слушать его не надо. На доводы ихъ, что пра-вительство иногда злоупотребляетъ своею властію, а Государь не наказываетъ ихъ за это, нужно сказать, что Апостолы пи-сали хрістіанамъ: *повинитесь убо всякому чело-вѣчу созданію Го-спода ради: аще Царю яко преобладающую, аще ли княземъ, яко отъ него посланнымъ* (1 Петр. 2, 13, 14), помнить надо, что эти цари и правители были язычники, гнали и мучили ихъ за вѣру Хрістову; тѣмъ болѣе намъ надо непрекословно повиноваться Царю и правителямъ, отъ него поставленнымъ, такъ какъ Госу-дарь нашъ ревнитель хрістіанскаго благочестія, защитникъ и по-кровитель Православной Церкви.

Наконецъ третья отличительная черта истинно-русскаго чело-вѣка, по которой мы можемъ узнать, другъ онъ или врагъ нашъ—это любовь къ отечеству и народу, т. е. безусловная преданность и вѣрность Православной вѣрѣ, народному языку, народному складу семейной, общественной и государственной жизни. Положимъ, нѣкоторые изъ такъ называемыхъ „благодѣтелей“ народныхъ, чтобы больше имѣть успѣха въ средѣ простаго народа и фабричныхъ, одѣваются въ самую простую одежду, проводятъ нѣсколько времени среди рабочихъ, неся одинаковый съ ними трудъ и лишенія; но вслушайтесь въ рѣчь ихъ—сколько въ ней злобы, ненависти—и не къ кому другому, какъ къ своимъ же собратьямъ—русскимъ, только живущимъ побогаче, чѣмъ эти рабочіе. Нѣтъ, истинно-русскій чело-вѣкъ не можетъ такъ злобствовать противъ своего же собрата—русскаго, кто бы онъ ни былъ. Его никакими мѣрами и средствами не заставишь сдѣлать что-либо дурное даже чужимъ, т. е. иностранцамъ, а тѣмъ болѣе своимъ. Въ 1880 году генераль Скобелевъ осаждалъ Текинскую крѣпость Геокъ-Тепе. 30 декабря Текинцы сдѣлали вылазку и хотя были прогнаны, но успѣли захватить въ плѣнъ одного артиллериста Агаѳона Никитина. Текинцы хотѣли заставить Никитина стрѣлять изъ пушки по нашимъ войскамъ, но на всѣ ихъ просьбы, уговоры и угрозы Никитинъ отвѣчалъ отказомъ. Тогда они подвергли его страшнымъ истязаніямъ, сдирали ремнями со спины кожу, рубили пальцы, но Никитинъ геройски умеръ въ ужасныхъ мученіяхъ, а не измѣнилъ, остался вѣренъ Царю и отечеству. Вотъ свойство истинно-русскаго чело-вѣка: лучше умереть, нежели сдѣлать зло своему собрату! Слѣдовательно, если кто, хотя и одѣвается по-русски, говоритъ такимъ же языкомъ, несетъ одинаковый трудъ и лишенія, но подбучаетъ на ограбленіе и другія нехорошія дѣла противъ помѣщиковъ или разбогатѣвшихъ крестьянъ, то это русскій только по мѣсту жительства, а не „по духу“, это твой врагъ, котораго не только слушать, а напротивъ нужно отдаляться, какъ отъ самага опаснаго и вреднаго чело-вѣка.

Не внимай же, православный Русскій хрістіанинъ, рѣчамъ этихъ мнимыхъ благодѣтелей; бѣгай отъ нихъ. Они не благодѣтели, а враги твои, не добра—а несчастій и бѣдствій тебѣ желаютъ, хотя и говорятъ, повидимому о твоей пользѣ. Твой другъ и благодѣтель тотъ, кто приглашаетъ тебя постоять за вѣру Православную, за Батюшку-Царя и дорогое отечество; за нимъ ты смѣло иди и знай, что помощникомъ тебѣ будетъ Господь и Его Пречистая Матерь, Которая не однажды спасала наше отечество отъ великихъ бѣдствій.

Иером. Аверкій.

Замѣтки мірянина.

Какъ въ жизни отдѣльнаго человѣка, такъ въ жизни общества и цѣлаго государства тогда только бываетъ благоденствіе, когда въ жизни все течетъ и направляется сообразно съ закономъ Божиимъ. Напротивъ, какъ бы ни цвѣла внѣшняя жизнь, но если она развивается не по заповѣдямъ Божиимъ, то въ себѣ самой уже имѣетъ зародыши разложенія и мертвенности.

Возьмите любого человѣка, удалившагося отъ Бога и отъ св. Церкви и посмотрите на его дѣйствія и поступки. Съ внѣшней стороны много, можетъ быть, покажется красивымъ, приличнымъ, но изслѣдуйте пользу дѣйствій и таковой не окажется. Почему такъ? Да потому, что ужъ если внутри, въ себѣ самомъ, человѣкъ подчинился иному закону (грѣховному) отъ котораго рождается смерть душевная, то можно ли ожидать добрыхъ плодовъ и дѣятельности отъ сердца и воли развращенныхъ?

Пока человѣкъ прилежитъ къ исполненію заповѣдей Господнихъ въ жизни своей, успѣшны бываютъ дѣла его.

Вѣдь для того и даны намъ эти заповѣди, чтобы жизнь нашу исправить и предохранить отъ грѣховнаго растлѣнія.

Но по мѣрѣ уклоненія человѣка отъ завѣта Божія, приходятъ въ разстройство и внѣшнія дѣла его.

Бесѣда съ человѣкомъ соціальныхъ взглядовъ есть разстройство души. Какъ вреденъ ядъ для тѣла, такъ вреденъ для души духъ социализма! Что значать въ сравненіи съ симъ зломъ всѣ немощи, грѣхи и неправды человѣческія!

Иногда послѣ бесѣды съ человѣкомъ, подверженнымъ какой-либо немощи, является жалость о немъ и состраданіе; а послѣ бесѣды съ человѣкомъ, напитаннымъ соціальными идеями земнаго благоустройства, остается въ душѣ какая то тѣма, тягость, мучительность; начинаешь переходить съ мѣста на мѣсто, ибо внутреннее разстройство не даетъ покоя, ставши же на молитву дѣлаешься какимъ то безчувственнымъ и мрачнымъ!..

Вотъ каковы эти благодѣтели!..

Сколько надо имѣть благоразумія, осторожности и осмотрительности въ своихъ мысляхъ и поступкахъ!

Иногда хочешь какъ бы поднять ближняго, или извлечь изъ глубины моря житейскаго, но выйдетъ не такъ: вмѣсто пользы ему, получишь себѣ язву и разстройство.

Великое это дѣло, но Божіе нужно содѣйствіе!

Душа грѣшная, насилуемая своими страстями, разстраиваемая обстоятельствами жизни, ни гдѣ и ни въ чемъ не находитъ себѣ покоя и утѣшенія; единственное прибѣжище для нея Господь Богъ. Ему благому Творцу своему, Создателю и Искупителю, испо-

вѣдуетъ она свои скорби, свои горести, свои тяготы житейскія и получаетъ отъ Него утѣшеніе, миръ, радость и надежду!..

Изыди отъ мене, яко мужъ грѣшенъ есмь Господи (Лук V ст. 8). Стыжуся грѣховъ моихъ, боюся же лица Твоего, о Правосудне, зряй сокровенная! Не смѣю убо възрѣти на Тя, недостойнъ же есмь предъ лицемъ Твоимъ быти, достоинъ же есмь далеке отъ Тебѣ яко осужденный и изгнанный отстояти.

Отыди отъ мене, свѣте мой, со страхомъ правосудія Твоего, его же ужасаюся, даже истяжу совѣсть мою и изслѣдую подробно грѣхи моя и самъ на себя судъ изнесу!.. (Св. Димитр. Рост.).

Все наше стараніе въ добромъ сводится къ тому, чтобы такъ себя поставлять къ благодати Божіей, какъ поставляетъ себя покорный рабъ, служащій и угождающій господину своему.

Проявленіе благодатнаго воздѣйствія на сердце свидѣтельствуется умиленіемъ и сокрушеніемъ сердца, а за симъ послѣдуетъ умирненіе внутреннихъ волненій и порывовъ. На сколько человѣкъ приближается къ Богу, на столько учащаются и усиливаются въ немъ благодатныя на сердце воздѣйствія. Такъ вотъ видимъ, что Святые, находясь на высшей степени совершенства, были въ постоянномъ умилении и плачѣ. А по сколько душа приближается чувствами и пожеланіями къ міру, настолько уменьшаются и сокращаются въ ней эти благодатныя воздѣйствія, въ концѣ же дѣлается совсѣмъ безчувственною и жестокою.

Благодарнослушивъ есть у насъ Владыка!

Молился одинъ человѣкъ Господу Богу о важномъ случаѣ въ своей жизни и вотъ получилъ желаемое.

Видимымъ образомъ далъ Господь сердцу удостовѣреніе, что грѣшная молитва его и прошеніе не отвергнуты, но услышаны. При всякомъ взглядѣ на тотъ предметъ, о которомъ была молитва, сердце воспоминаетъ во глубинѣ души благодать Владыки и милость ко грѣшному просителю.

Земна, суетна, раздражительна, безпокойна и недовольна сама по себѣ бываетъ душа человѣческая. Всѣ чувства и помышленія, возникающія въ ней, также низменны, мрачны и нечисты. И какое жалкое видится въ ней убожество постоянно!

Но вѣдь не для земли и міра наша душа есть. Она создана и предназначена для блаженства съ Богомъ и должна бы вкушать таковое. Почему же не такъ? Почему мы въ скорбяхъ и горестяхъ? А отпали мы отъ Создателя за грѣхи наши, лишились Его благодати и остались со своею нишетою.

Когда же грѣшная душа, по милости Божіей, сподобится благодатнаго присѣщенія въ сердцѣ, то ужъ забываетъ свою бѣдность, свое окаянство, свое растлѣніе, а утѣшается и радуется. Подъ дѣйствіемъ благодатныхъ лучей умиленія жестокость, хладность и безчувственность исчезаютъ изъ сердца какъ

бы безслѣдно. Чувствуется тогда нѣкоторая свобода нравственная, благодарность къ Богу и радость жизни.

Свое хорошее дуніевное состояніе сообщаетъ тогда человѣкъ и тѣмъ лицамъ, съ которыми имѣеть общеніе сердечное. Пріятны и для другихъ бываютъ лица съ такимъ душевнымъ настроеніемъ, чувствуютъ вѣдь и они отъ нихъ нѣкое вѣяніе сладостное и успокоительное, утѣшаются бесѣдою и прославляютъ въ сердцѣ Бога.

Когда бываетъ человѣкъ въ такомъ настроеніи, то дивнымъ образомъ, какъ то, измѣняются и внѣшнія вещи и событія: вездѣ и во всѣхъ видится тогда хорошая и добрая сторона и всякій случай приноситъ сердцу одно утѣшающее, за что и возносится мыслями человѣкъ къ благодарности Богу.

Какъ глубоко и быстро можетъ падать душа изъ состоянія чистоты въ состояніе растлѣнія, разстройства и омраченія!

И если бы не благодать Спасителя нашего Господа Иисуса Христа, то гдѣ же бы намъ освободиться отъ грѣха одними своими усиліями? Замучили бы насъ тогда свои скверныя пожеланія и грѣховныя возбужденія и были бы мы подобны скотамъ безсмысленнымъ по похотямъ, и звѣрямъ свирѣпымъ по гнѣву и злобѣ.

Но вотъ явилась благодать спасительная намъ грѣшнымъ, очищающая грѣховныя сердца наши и омывающая скверны душевныя.

„Что воздадимъ Господеви о всѣхъ, яже воздаде намъ?“

Кто можетъ исчислить всѣ Божественныя благодѣянія къ намъ окаяннымъ и грѣшнымъ, достойно возблагодарить и прославить Милостиваго и Щедраго Владыку и Творца Бога за Его великую любовь къ намъ и обильныя милости!

Сами по себѣ мы если и можемъ что принести Владыкѣ, то это только слезы и сокрушеніе о своихъ беззаконіяхъ, но и они въ насъ есть дѣйствіе Его Божественной благодати!

Такъ убоги мы и бѣдны сами по себѣ!

Св. Златоустъ во 2-мъ письмѣ къ діако니스ѣ Олимпіадѣ употребилъ {такое выраженіе: „Знаю крѣпость нѣжной души Твоей“.

Изъ сего можно заключить то, что есть крѣпкія души,—но грубыя, тяжелыя, и есть мягкія,—но вялыя, слабыя, сластолюбивыя.

Почему св. Златоустъ былъ такъ милостивъ и сострадательнъ къ немощнымъ?

Потому, что тѣлесныя немощи на себѣ испыталъ, а къ снисхожденію въ душевныхъ—подвигала его благодать въ сердцѣ!

Къ Богоугодной печали пристааетъ уныніе, а къ радости о Богѣ—льстивое тщеславіе.

Авва Арсеній сказалъ: „если внутреннее дѣланіе не поможетъ человѣку, то напрасно трудится онъ во внѣшнемъ“.

Что такое нѣжность чувства? Особенная свѣжесть и тонкость чувствъ, соединенныхъ съ любовію.

Н. К.

СИЛА БОЖІА И НЕМОЩЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАА.

ВРАЖЬЯ СИЛА.

(Продолженіе).

II.

Живеть тамъ мальчикъ день, другой; прожилъ цѣлую недѣлю. Время шло обычнымъ порядкомъ безъ особыхъ приключеній, и можно было полагать, что онъ уже примирился со своей незавидной долей...

Разъ какъ-то Иванъ (такъ звали главнаго пастуха) отлучился куда-то отъ стада, оставивъ при немъ своего маленькаго помощника. День склонялся къ вечеру. Иванъ опять скоро возвратился къ стаду, но только Михаила уже не нашель... Началъ онъ его кликать, что было мочи, но въ отвѣтъ ему только зловѣщее эхо повторяло послѣдніе звуки его же голоса...

Возлѣ самаго мѣста, гдѣ пасся скоть, было озеро. У берега этого озера стояла небольшая лодочка... Ужъ не тамъ-ли онъ?—подумаль Иванъ про Михаила; мальчикъ — баловень — пожалуй, еще вздумаетъ на лодкѣ кататься — бѣды бы тутъ съ нимъ не нажать!.. Съ такими мыслями Иванъ подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ стояла лодка и неподалеку отъ берега увидѣлъ поверхъ воды трупъ несчастнаго Михаила уже безъ всякихъ признаковъ жизни. Въ сильномъ смущеніи отъ такой неожиданности, пастухъ побѣжалъ въ свое село, находившееся верстахъ въ четырехъ отъ пастбища, извѣстить о печальной участи его товарища. Слухъ объ утопленникѣ скоро разнесся по всему селенію и вызваль любопытныхъ—и старыхъ, и малыхъ—на мѣсто печальнаго событія... Трупъ, уже закоченѣвшій, какъ чурбанъ, былъ вынуть изъ воды. Затѣмъ это дѣло было доведено до свѣдѣнія становаго пристава и матери Михаила, которые и не замедлили явиться: первый — для производства дознанія о нечаянной смерти мальчика, а вторая,—чтобы удостовѣриться въ истинности событія и оплакать несчастную кончину своего сына.

Причина смерти Михаила была у всѣхъ на виду, и потому положено было безъ дальнихъ хлопотъ предать покойника обычному хрістіанскому погребенію.

Такъ какъ возлѣ самага озера, на довольно большомъ пространствѣ было топкое мѣсто, то тѣло мальчика сперва понесли на рукахъ, а потомъ по твердой землѣ его положили на подводу и повезли уже до самага Лентева на лошади.

Трупъ, судя по лѣтамъ покойника, былъ небольшой и не представлялъ собою особенной тяжести, и потому весьма было удивительно для всѣхъ присутствовавшихъ, сопровождавшихъ утопленника, что лошадь везла его съ большимъ напряженіемъ, какъ будто на телѣгѣ была навалена огромная тяжесть.

Дивились этому необычайному обстоятельству всѣ и никакъ не могли доискаться его причины...

Между тѣмъ надъ покойникомъ, по уставу Св. Церкви, былъ совершенъ обрядъ погребенія, и тѣло его было предано землѣ.

Поплакала бѣдная мать надъ прахомъ своего Миши, погоревали и всѣ свидѣтели ея нечаяннаго горя и разошлись по домамъ, сохранивъ грустное воспоминаніе о печальномъ событіи.

III.

Еще время не успѣло успокоить взвознованныхъ чувствъ Трудниковой, какъ однажды утонувшій сынъ ея далъ о себѣ вѣсть въ сонномъ видѣніи и сообщилъ нѣчто страшное и столь невѣроятное о своей мнимой смерти, что если бы не бывавшіе тому на памяти народной примѣры, сообщенію этому трудно было бы повѣрить.

Вотъ какъ было дѣло.

Настала ночь. Легла Трудникова спать. И, вотъ, въ глубокомъ снѣ видитъ она своего Михаила. Приходитъ онъ къ ней, какъ будто живой, и говоритъ:

— „Матушка! ты не думай, что я умеръ: я живъ и теперь нахожусь во власти демоновъ за то, что ты меня прокляла. Если хочешь, чтобы я воротился къ тебѣ, то кайся въ грѣхъ своемъ, молись обо мнѣ чаще Богу и подавай за меня милостыню“.

Этотъ сонъ Трудникова видѣла три ночи сряду...

Сильная скорбь объ утратѣ сына, ужасное во снѣ извѣщеніе о его гибели вслѣдствіи материнскаго проклятія, надежда, хотя и слабая, видѣть его опять въ живыхъ—все это заставило Трудникову обратиться за совѣтомъ къ одному благоразумному крестьянину, пользовавшемуся довѣріемъ среди крестьянъ всей окрестности.

— „Что сынъ твой живъ“, говоритъ совѣтникъ, „тому не вѣрь, а молись Богу за него, подавать по немъ милостыню и каяться въ грѣхъ своемъ — это твоя обязанность. Живъ ли твой сынъ, умеръ ли—во всякомъ случаѣ, твое покаяніе, молитвы и милостыня полезны будутъ и для него, и для тебя“.

Совѣтникъ имѣлъ основаніе говорить такъ; на его памяти

былъ слѣдующій случай: въ селѣ Куриловѣ Череповецкаго же уѣзда жили два брата-купца—одинъ—доброй нравственности, другой—безпорядочной жизни. Такой контрастъ въ характерахъ родныхъ братьевъ заставилъ ихъ раздѣлиться. Добрый братъ сталъ богатѣть, а другой вскорѣ окончательно прокутился... Разъ какъ-то этотъ послѣдній былъ у своего брата и засталъ его съ однимъ крестьяниномъ за дѣлежомъ довольно большой суммы денегъ. Подмѣтивъ это, онъ подстерегъ вечеркомъ этого крестьянина въ лѣсу, черезъ который шла глухая тропинка къ его дому, ограбилъ у него деньги, а самого убилъ и пошелъ, какъ ни въ чемъ не бывало, пьянствовать въ кабакъ. Но мужикъ не былъ убитъ до смерти! Оправившись онъ добрель до своего села и объявилъ, кому слѣдуетъ, о случившемся. Преступление было открыто, и преступника засадили въ острогъ...

У преступника была жена. Когда стряслась эта бѣда, несчастная женщина и дни, и ночи плакала напролетъ... Но вотъ, къ ея утѣшенію, мужъ ея началъ по ночамъ ходить къ ней. На вопросъ изумленной жены—какъ это можетъ быть, разъ онъ сидитъ въ острогѣ, мужъ отвѣчалъ:

— „Дружба со зрителемъ острога дала мнѣ полную свободу. А что я по ночамъ къ тебѣ хожу, это для того, чтобы люди не видѣли: не видятъ—и не бредятъ“.

Черезъ нѣсколько времени и сама жена вздумала навѣстить своего мужа. При свиданіи съ нимъ она спросила его о ночныхъ посѣщеніяхъ. Мужъ сразу догадался, что дѣло неладно и, не давъ никакого отвѣта на вопросъ жены, написалъ письмо и велѣлъ ей, не теряя времени, отнести его къ брату. Возвратившись домой, она отложила исполнить мужнино порученіе до слѣдующаго дня. На утро крикъ малютки дочери созвалъ народъ, и бѣдную женщину нашли уже мертвою. При допросѣ дѣвочка сказала, что ночью приходилъ къ нимъ какой-то мужчина и задушилъ ея мать. Нашли на божницѣ письмо отъ мужа, недоставленное брату, и оно подтвердило показаніе дочери о таинственныхъ ночныхъ посѣщеніяхъ покойной какимъ-то лицомъ, принимавшимъ на себя образъ мужа задушенной женщины.

Разсказалъ этотъ случай совѣтникъ Трудниковой и убѣдилъ ее не довѣряться ночнымъ видѣніямъ, но велѣлъ молиться и подавать за душу сына милостыню.

Послушалась мать добраго совѣта и начала за своего сына молиться Господу и раздавать бѣднымъ милостыню, сколько позволяло ей ея скудное достояніе.

Проходить годъ и другой. Сны, подобные вышеописанному, попрежнему ей снятся, хотя уже не такъ ясно, какъ прежде. Искренне кается мать въ грѣхѣ своемъ, не устаетъ молиться Богу и раздавать милостыню.

Цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ прошло со дня постигшаго Трудникову горя.

О сынѣ не было ни слуху, ни духу; да и самые сны, подававшіе слабую надежду на его возвращеніе, давно уже прекратились...

IV.

Въ это время, верстъ за семьдесятъ отъ деревни Миндюкиной, неподалеку отъ города Череповца, неизвѣстно откуда появился очень странный молодой человекъ изъ крестьянъ.

Росту онъ былъ средняго, тѣломъ сухъ и, что называется,—кости да кожа.

Одежда его состояла изъ грубыхъ лохмотьевъ. Но что въ немъ особенно удивляло всѣхъ—это его необыкновенная дикость: точно онъ былъ существо какого-то иного, нездѣшняго міра.

Всѣхъ онъ боялся, отъ всѣхъ старался укрыться, и только крайняя необходимость, чтобы не умереть съ голоду, заставляла его заходить въ дома нѣкоторыхъ крестьянъ. „Придетъ это онъ“, рассказывали очевидцы: „станетъ около двери, не говоря ни слова, да и стоитъ такъ нѣсколько минутъ. Дадутъ ему что-нибудь поѣсть, съѣстъ, а не дадутъ—и такъ пойдетъ, опять-таки не сказавъ никому ни одного слова“...

Путь свой этотъ таинственный и странный человекъ направлялъ къ деревнѣ Миндюкиной.

Версты четыре не дойдя до Миндюкиной, онъ остановился для отдыха въ селѣ Воротишинѣ у крестьянина Василия Яковлевича, гдѣ его приняли и успокоили такъ, какъ еще недавно простые русскіе люди умѣли принимать странниковъ, Божьихъ людей. Сердце прежняго русскаго крестьянина, всегда сострадательное къ бѣдствію ближняго, заставило хозяина предложить страннику трапезу и угостить его, чѣмъ Богъ послалъ. На этотъ разъ у Василия Яковлевича истоплена была и банька. Хозяева предложили своему гостю помыться...

И вотъ, тутъ, въ банѣ, хозяинъ былъ пораженъ и даже напуганъ странностями своего гостя: то онъ захохочетъ какъ-то дико и страшно, то начнетъ какъ будто отъ кого-то прятаться—лѣзетъ подъ полокъ, за печку... Кое-какъ вымывшись, онъ одѣлся, вышелъ изъ бани и побѣжалъ куда-то. Во время своего бѣга онъ дѣлалъ такіе сильные прыжки, что, казалось, не бѣжалъ, а летѣлъ по воздуху, при каждомъ прыжкѣ подымался вверхъ, по крайней мѣрѣ, сажени на три.

Вскорѣ, однако, это поразительное съ нимъ явленіе прекратилось, и онъ отправился въ деревню Миндюкину, оставивъ госте-

пріимнаго своего хозяина, надо полагать, въ крайнемъ испугѣ и недоумѣніи“...

На этомъ мѣстѣ прошу моего читателя простить меня, что я прерву послѣдовательное изложеніе лежащей передо мною рукописи и обращаюсь къ личнымъ воспоминаніямъ.

Вѣрный писатель довѣреннаго мнѣ документа, я не могу, всетаки, не чувствовать, что случай, имъ передаваемый, до того необыченъ, до того страшенъ, что въ читателѣ, мало подготовленномъ къ воспріятію такого рода рассказовъ изъ явленій таинственнаго потусторонняго міра, онъ можетъ вызвать не только недоумѣніе, но, отъ чего Боже упаси, и подозрительность: а ну-какъ сказатель этой исторіи глумится надъ довѣрчивостью своего читателя и рассказываетъ такія вещи, которыхъ не только не было и быть не можетъ, но и самъ-то онъ имъ не вѣрить. Спѣшу успокоить тебя, мой читатель, я самъ не только вѣрю тому, что передано здѣсь твоему изумленному вниманію, но попутно вспоминаю, что и въ моей памяти сохранился въ дѣтствѣ моемъ нечаянно подслушанный разговоръ покойной моей матери со своей тоже уже покойной родной сестрой.

Обѣ онѣ были воспитанницами передового духа дворянства сороковыхъ годовъ, были обѣ образованы по послѣднему слову образованія того времени, вкусили и даже пресытились матеріализмомъ годовъ шестидесятыхъ и, конечно, ни во что сверхъестественное и чудесное не вѣрили. И, вотъ тѣмъ не менѣе изъ устъ ихъ я слышалъ и запомнилъ разговоръ ихъ между собою о какомъ-то мальчикѣ лѣтъ 6 или 7, едва ли не о братѣ моей матери, а моемъ дядѣ, который впадалъ въ какое-то таинственное состояніе, во время котораго съ нимъ совершались удивительныя и неразгаданныя явленія: онъ, не умѣя играть ни на какомъ инструментѣ, бралъ изъ рукъ перваго скрипача дѣдушкинаго домашняго оркестра скрипку и игралъ на ней, неожиданно и даже къ испугу для всѣхъ, удивительныя и неслышанныя мелодіи; говорилъ на иностранныхъ языкахъ, которыхъ не зналъ и о которыхъ въ то время не имѣлъ и понятія; перепрыгивалъ съ одного берега на другой рѣчку шириною въ нѣсколько сажень и, вообще, творилъ нѣчто столь необычное не только для его, но и для всякаго возраста, что ставилъ въ тупикъ всѣхъ къ нему близкихъ. Простые люди изъ прислуги съ ужасомъ видѣли въ этомъ проявленіе силы нечистой и твердо этому вѣрили въ простотѣ своей сердечной, ну, а образованные и умные думали, конечно, иначе, но, какъ думали, о томъ мало говорили, а, если и говорили, то такъ, что и сами смысла въ своихъ рѣчахъ видѣли немного. Потомъ уже, когда стали увлекаться спиритизмомъ, умные люди додумались до „четвертаго измѣренія“, но и на немъ, кажется, погу сломали.

Вотъ это я слышалъ въ своемъ дѣтствѣ.

А что теперь творится въ области спиритическихъ явленій тамъ, гдѣ спиритизму, не зная съ кѣмъ имѣютъ дѣло, предаются „умные“ люди, то, пожалуй, могло бы показаться еще невѣроятнѣе моей Грудниковской исторіи. Но тому вѣрятъ, то изслѣдуютъ, о томъ пишутъ, о томъ говорятъ, тому предаются „умные“ люди и даже профессора всѣмъ сердцемъ, всей душой, всей вѣрой своей.

Дивное дѣло! не вѣрятъ тамъ, гдѣ бѣсы дѣйствуютъ, какъ бѣсы, прямо, открыто подъ явнымъ своимъ бѣсовскимъ обличьемъ, а всю свою вѣру отдаютъ имъ же, когда они дѣйствуютъ въ обликѣ ангела свѣта „наукъ“ психофизическихъ—въ спиритизмѣ, медиумизмѣ, моитивизмѣ или социальныхъ—„свободы, равенства и братства“.

Не оттого ли и бѣснуется современный міръ, заливая братской кровью поле смерти всякой свободы, всякаго равенства, всякаго братства!..

Прости же, читатель, это невольное отступление: далѣе уже пойдетъ опять моя рукопись.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Чудное дѣйствіе промысла Божія.

Въ іюль 1906 года я пріѣхалъ съ семьей въ Вологду навѣстить престарѣлыхъ родителей. Проведя здѣсь двѣ недѣли, я однажды въ бесѣдѣ съ покойной уже матушкой вспоминалъ дѣтство, проведенное мною у родителей въ селѣ Васильцовѣ Грязовецкаго уѣзда, находившемся въ приходѣ св. Троицы на р. Комелѣ. При этомъ я вспомнилъ этотъ храмъ—св. Троицы, гдѣ нерѣдко бывалъ я въ дѣтствѣ съ родителями, въ оградѣ котораго погребены мой прадѣдъ и дѣдъ, говорилъ и о священникѣ отцѣ Владимірѣ, у котораго я былъ въ домѣ вмѣстѣ съ матерью послѣ обѣдни, отправляясь въ СІБ. университетъ по окончаніи гимназіи въ 1869 году.

Какъ теперь помню его напутственныя слова, обращенныя ко мнѣ, юношѣ-гимназисту: „избѣгайте всего худого“. Воскресивъ въ представленіи моемъ доброе старое время, я сказалъ: „Какъ бы мнѣ хотѣлось побывать у Троицы!“ Моя матушка даже сказала мнѣ съ нѣкоторымъ удивленіемъ:—Что это сегодня тебѣ такъ вспомнилось?

Въ августѣ я вернулся въ Петербургъ, гдѣ занималъ должность директора химико-техническаго училища въ теченіе де-

вяти лѣтъ въ приходѣ Скорбящей Божіей матери, что на Стекланномъ. Тамъ я, по выбору прихода, былъ предсѣдателемъ церковнаго попечительства и членомъ строительной комиссіи по постройкѣ каменной часовни вмѣсто деревянной, гдѣ совершилось извѣстное чудо.

Въ одинъ изъ хорошихъ солнечныхъ дней,—тогда стояла въ Петербургѣ великолѣпная осень,—20 сентября 1906 года около двухъ часовъ дня, училище подверглось нападенію восьми вооруженныхъ разбойниковъ. Первымъ былъ схваченъ я,—они требовали отъ меня, наставивъ надъ головою револьверы, жалованье служащихъ. При этомъ меня душили (временами я терялъ сознание), ранили кинжаломъ, такъ что я, безоружный, считалъ мысленно себя погибшимъ. Какимъ-то образомъ, непонятнымъ для меня и теперь, мнѣ раненому удалось вырваться и спастись отъ неминуемой смерти. Я, какъ безумный, безъ шапки добѣжалъ до церкви Скорбящей Божіей Матери и позвалъ гороховыхъ, сказавъ имъ, что разбойники напали на училище. Жена моя была также подъ револьверами разбойниковъ, которые требовали отъ нея ключей отъ письменнаго стола. Она не дала имъ ключей, а сказала, что пусть ломаютъ столъ. Когда я пришолъ въ себя, то невольно обратилъ вниманіе, что стулъ, на которомъ меня терзали негодяи, былъ въ углу, а напротивъ въ углу смотрѣлъ на меня ликъ Св. Троицы. При этомъ я долженъ объяснить что ни у меня въ домѣ, ни въ училищѣ не было иконы Св. Троицы. А этотъ образъ былъ подаренъ для актовaго зала при открытіи технического училища, гдѣ онъ и находился въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Но одна купеческая вдова пожелала устроить безмездно въ актовомъ залѣ рѣзной дубовый кіотъ съ иконою Спасителя, благословляющаго дѣтей. Тогда образъ Св. Троицы былъ перенесенъ мною въ учительскую комнату, гдѣ я подвергся нападенію разбойниковъ.

Въ этомъ событіи я увидѣлъ чудодѣйственное промышленіе Божіе—Св. Троица спасла меня отъ неминуемой гибели.

А. Юрьевъ.

Вологда.